

БЕСЕДЫ ВЕЧЕРАМИ

ДОЛГИЕ ВЕЧЕРА тбилисской зимы 1941—1942 годов... Большой частью Вл. И. Немирович-Данченко коротал их в гостинице. Мы пребывали с ним в номере вдвоем и, не спеша, за вечерним чаем вели самые нужденные беседы. В основном мы говорили об искусстве, главным образом, театральном, о его людях. Записи, родившиеся в результате наших вечерних тбилисских бесед, и воспроизводятся здесь. Это совершенно самостоятельные, друг к другу не относящиеся, в разное время и по разным поводам высказанные Немировичем-Данченко мысли, замечания, характеристики.

О К. С. СТАНИСЛАВСКОМ: — Этого огромного художника я полюбил до Художественного театра, когда впервые увидел в Обществе искусства и литературы его постановку «Плодов просвещения». В театральной среде поговаривают, что мы плохо жили. Это неверно. Чувствую, что мы были разными точками зрения, мы расходились по творческим вопросам, но мы никогда не ссорились, между нами не случилось стычек. Мы уважали, ценили, по-своему любили друг друга.

— «Система» Станиславского — явление колоссальнейшее и революционное. Но это не канон и не что-то стабильное и, самое главное, не единственная школа. Существуют и другие школы. И результаты дают отличные, интересные. У нас об этом забывают. Напрасно.

— Меня спрашивали, почему все же Станиславский рядом со мной считается, вроде первым, идет на первом месте, сидит за первым, что ли, пульт. В этом нет ничего удивительного. Станиславский — не только режиссер, педагог, но и актер. Для зрителя, для широкой публики, даже для театральных людей, это имеет огромное значение. Кто популярней — Любовь Орлова или Александров? Конечно, Орлова. Потому что она актриса, она непосредственно общается со зрителем. Актер всегда популярней и ближе зрителю, чем режиссер. Со мной курьез даже раз вышел. После премьеры «На дне» (мы ставили вместе с Константином Сергеевичем) всех по многу вызывали — и автора, и актеров, и постановщиков, и художника. Станиславский сначала кланялся как актер. А когда вышел я, он снял

парик и встал рядом со мной как режиссер. Потом мне передали, что кто-то из публики недоуменно спрашивал: «Что это за метрдотель?» в визитке стоит рядом со Станиславским?

Что такое МХАТ? Академический театр. Огромная ответственность. Кто должен быть художником? Не знаю. В Художественном театре слово «худрук» — слишком ответственное слово. Хорошо бы разделить власть, как было у нас со Станиславским.

— Хмелев — типичный вождь, организатор. Принципиальный художник и принципиальный человек. Я верю в него. Он может сегодня меня заменить. Мы, старики, уходим, надо думать о замене. Вот я и думаю. Парой Хмелеву, рядом с ним мог бы стать Кедров. Он сейчас лучший, пожалуй, режиссер МХАТ из среднего поколения.

АКТЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА: — Книппер-Чехова — актриса обаяния, которому нет равных. Человек редкого благородства. Потому она так хороша в пьесах Чехова. Чеховские роли — ее вершина.

— Перед Тархановым я в долгу. Он очень интересно, по-тархановски сыграл Фамусова, а этого как следует не оценили. Я в то время болел. Но я еще об этом напишу. Это нужно для истории театра, так как Тарханов — один из крупнейших актеров современного театра.

— Борис Добронравов — подлинно русский актер, носитель русского гуманизма. Он везде настоящий, у него не бывает слабых, бледных ролей. Не забуду его Кирсанова из «Взлета». Есть у него то, чего многим нашим актерам не хватает, — способность сценического обобщения, типизации. Его Кречет — не просто милый человек и хороший хирург. Это — тип. Тип нового советского интеллигента. И Яровой у Добронравова тип, и Листрат...

Уважаю Добронравова за дисциплинированность. Знаете, когда он приходит на спектакль? За два часа до начала. Еще и в театре-то никого нет, а он уже сидит, гримируется.

— Создать на сцене образ Ленина — это подвиг. Я счастлив, что в нашем театре такой подвиг совершен. Мне было легко работать с Грибовым над образом Ленина. А знаете почему? Потому что Грибов — актер, как говорится, от земли. И Ленин при всем овеом величии, при всей своей недостижимой высоте мысли и духа в то же время очень земной, человеческий.

— В московских театрах много прекрасных актрис: Пашенная, Бабанова, Коонен, Гоголева, Марецкая... Но все они разбросаны по одиночке. А такого букета, как у нас, нет нигде: Вера Соколова, Тарасова, Еланская, Андровская, Степанова — благоухающий букет!

— Среди многих хороших актрис нашего театра, и не только нашего, русскую женщину по-настоящему могут сыграть Тарасова и Еланская. Они лучшие исполнительницы образов русской женщины. Я говорю так потому, что Тарасова и Еланская сыграли женщин Толстого.

— Не могу представить лучшей княгини Бетси, чем Степанова.

— Сахновский хочет поставить «Гамлета» с Ливановым. Я верю в этого актера. От него можно ждать многого. Ливанов мыслит в театре. И он талантлив вообще, а не только как актер. Интересный человек, карикатурист чудесный. Но, конечно, главное в нем — актер: люблю, когда он на сцене.

— У нас Прудкин в «любовниках» ходит. Мы сами его на это толкаем. И я тоже. А ведь он талантливый характерный актер. Он себя еще покажет.

— Труппу МХАТ коршевы очень усилили. Такие интересные актеры влились — Топорков, Попова, Болдуман, Кторов, Петкер, Соснин... Мхатовцы к ним сначала настороженно относились. Но коршевы органично вошли в театр. Они мне сразу импонировали, и работать с ними приятно. Поповой, правда, я сначала боялся почему-то давать роль Яровой. Но на первой же репетиции она сразу взяла нужный тон и слушалась меня хорошо. Больших возможностей актриса.

— Очень способный человек Литовцева. Правильный, тонкий, режиссер. Для меня тот режиссер, кто актера понимает, чувствует, умеет с актером работать — в конце концов: это важнее всего. Нина Николаевна такая.

— Когда надо сделать какой-нибудь доклад или выступление о театре, лучше Павла Александровича Маркова не найдешь. Образцовый театральный литератор. Для меня это понятие шире заветства, оно вбирает в себя заветство. Я очень считаюсь с Марковым. Он точно видит актера. В Ленинграде, в театре комедии, Гошеву он увидел. И привел ее в МХАТ, и рекомендовал в «Три сестры». Не всякий может нужную для театра актрису найти.

— Театру необходимы такие люди, как Виленкин. Предан театру. Знает театр. Труженик. Я скучаю по нем. Мне не хватает его под рукой.

— Молодых выдвигать я всегда любил, еще с тех пор, как мои ученики по филармонии, Москвин, Роксанова — Художественный театр начинали. Риска не боялся. Тут смелость требуется.

Когда Гиацинтова у нас начинала, она совсем молоденькой была. Из хорошей семьи, как тогда говорили, скромная, такая робкая. И вдруг пишет мне письмо, что хочет играть монашку Пелагею в спектакле «Будет радость» Мережковского, просит, чтобы дали ей эту роль. Не ждал от нее такой прыти. Но мне это понравилось. Я дал ей роль. И не ошибся. И с Берсеневым так же было. Он к нам еще совсем зеленым пришел, а я ему вскоре поручил Петра Верховенского в «Бесах». И сыграл блестяще.

А знаете, какой был самый большой риск в моей жизни? Коонен — Маша в «Живом труп». Никто не мог себе представить тонкую, рафинированную Алису в роли цыганки. А какая Маша оказалась!..

— Чересчур часто можно слышать: «Я люблю театр!». «Я

люблю театр!». Не верю я этим признаниям. Вообще многие, говоря о своей любви к кому-нибудь или чему-нибудь, на деле любят сам предмет, будь то человек или тот же театр, то место, которое они возле него занимают. «Я люблю театр» — это такое ответственное заявление, что далеко не всякий имеет на него право. В иных устах звучит просто кощунственно. О своей любви к театру имели право говорить люди, подобные Станиславскому, Южину. Сейчас так могут сказать все наши «старички», включая и Титова, и Гудкова, и Фалеева. Все они жизнь свою театру отдали.

— Верные часы только те, что висят в театре, только по ним актеры должны сверять свои часы.

— Внутритеатральная дисциплина обязательна для всех — и для Качалова, и для Москвина, и для меня.

— Толковый администратор — это так же в театре важно, как хороший актер. Не понимаю, почему никто этим не занимается, не готовит кадры.

Администратор должен быть хорошо связан с прессой. Это имеет большое значение для театра.

— Я очень люблю общаться с Михоэлсом. Соломон Михайлович мудрый человек. И у него мудрые руки. Они маленькие, но в них всегда большая мудрость. Когда я смотрю на его руки, я многое понимаю. Мне бы так хотелось поговорить с ним сейчас о моем Шекспире.

— С программой Мейерхольда я не согласен. Хотя объективно можно признать, что работал он интересно и человек был интересный. Мое правило важнейшее: режиссер должен умереть в актере. Мейерхольд, наоборот, всегда чувствовался в спектакле, он не желал умирать в актере. Тем не менее он воспитал блестящую плеяду актеров: Ильинский, Охлопков, Бабанова, Штраух, Царев, Райх, Мартинсон, Жаров, Свердлин, Гарин. Юткевич и Плучек тоже были у Мейерхольда. Школа ли это? Думаю, да. Но театра он так и не создал, хотя делал его почти двадцать лет. Вот по этому результату и надо судить о программе Мейерхольда. Станиславский и Немирович-Данченко сошлись строить театр, в котором все для актера и все через актера. К этому, в основном, были направлены их заботы. У Мейерхольда же в каждом спектакле выпирал он сам со своими формальными, по существу, исканиями.

— Опера — это большей частью концерт в костюмах. Ряженые певцы. Вот и все. А самого спектакля-то нет, каких бы пышных декораций ни понастроили! Константин Сергеевич и я — мы уже давно поняли, что необходима форма искусства. И мы этим занимались в своих музыкальных театрах. Каждый по-своему, каждый своим путем, хотя цель одна: приблизить вокал к драматическому искусству, вернее, слить одно с другим. Возьмите у меня в театре Кермарскую или Канделаки. Как вы их определите — хорошо играющими певцами или же отлично понимающими актерами? Можно и так, и эдак. Ошибки не будет. К такому единству надо стремиться.

"Современная культура", т. Москва, 1962, 30 авг.